

СОДРУЖЕСТВО НАУК И ТАЙНЫ ТВОРЧЕСТВА

Публикуя сегодня статью доктора филологических наук, профессора Б. Мейлаха, редакция «Литературной газеты» полагает, что вопросы, поставленные автором, заслуживают обсуждения.

ТАЙНЫ художественного творчества. Это словосочетание кажется непривычным, даже странным. Говорят о тайнах природы, растительного и животного мира, но тайны художественного творчества?.. Здесь все или почти все представляется познанным, открытым. Достижения литературоведения весьма значительны. В ответ скептикам я мог бы перечислить многие оригинальные, признанные у нас и за рубежом исследования, великолепные научные издания классиков. Подняты огромные пласты ценнейших материалов, по-новому осветивших историю литературы. Марксизм открыл для литературоведения, бродившего когда-то в дебрях идеализма, возможность стать подлинной наукой.

Но при всех достижениях нашего литературоведения сегодня чувствуется неудовлетворенность его состоянием. Мало ставится новых проблем, почти не разрабатывается методология. Мы довольствуемся слишком общими ответами на вопросы о сущности и природе искусства, его специфике и закономерностях, о способах его могущественного влияния на людей.

Позволю себе задержаться на рассказе знакомого лектора-искусствоведа. Однажды слушатель (по профессии химик) задал ему вопрос: «Я не принадлежу к чувствительным людям, может быть, меня можно упрекнуть в сухости. Я испытал много сурового и закален судьбой. Говорят, что я «непроницаем» и меня ничто не может особенно потрясти. Думаю, что это не так. Во всяком случае, когда я читаю Шекспира, Достоевского, Льва Толстого, я бываю потрясен до слез, чего не происходит со мною в жизни, когда вижу такого же рода происшествие или события. Скажите, чем это объяснить?» Лектор ответил: «Спецификой искусства, его образностью, эмоциональностью, умением художника не только изображать жизнь, но и оценить ее и внушить читателю свою оценку». Слушатель улыбнулся: «Специфика, образность... Да, это так, но объяснения ваши и ваших коллег так же не полны, как если бы я сказал, что природа электричества объясняется существованием электродвигателей, лампочек и выключателей.

Поймите, мы считаем объяснением, когда отчетливо вскрывается внутренняя структура явления, причина и весь «механизм» его возникновения, развития и действия». Лектор возразил: «Нельзя здесь проводить аналогию с точными науками». И услышал реплику: «Я и не провожу, я говорю только об ответах, которых должна добиваться любая наука, изучая свой круг явлений». И добавил: «Как видно, не так-то просто понять даже простое: почему, скажем, примелькавшиеся, надоевшие вещи — стол, жестяная кружка, кочан капусты оживают в натюрморте и наполняют нас ощущением счастья. Или: вы услышали фразу «настал вожделенный миг, мой многолетний труд окончен». Это сообщение может заинтересовать, но оно не захватывает, как стихотворная строка:

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.

Произошло волшебное преобразование тех же слов. Почему?..»

Рассказав мне об этом, лектор с полным основанием сказал: «Мы не безоружны. На все эти вопросы можно ответить. Но беда в том, что многие ответы сегодняшнего дня отстают от общего чрезвычайно высокого уровня современной науки». И это верно: тайны искусства раскрыты далеко не полностью.

Назрела необходимость объединить изучение общих основ и свойств художественного мышления с исследованием законов творческой деятельности художника, а также восприятия произведений искусств. Такой подход вскрыет проявления художественного мышления и в повседневной человеческой жизни, и в искусстве (не только в литературе, но одновременно и в живописи, музыке, театре, кинематографе...). Тогда стало бы яснее, как совершенствовались методы познания мира средствами образности, их ничем не заменяемая роль в процессе общественного развития и в формировании эстетических эмоций и взглядов.

Синтетическое изучение художественного мышления возможно на стыке ряда научных областей: социологии, эстетики, истории и теории литературы и — одновременно! — других видов искусства. И это далеко не полный перечень дисциплин. Так, художественное мышление, творчество нельзя изучать, не привлекая данных по истории языка. Для освещения ранних периодов становления эстетического

Б. МЕЙЛАХ

сознания нужно привлечь материалы археологии и этнографии. Много в законах художественного мышления раскроет история фольклора (с этой стороны мало изученного). Словом, предпосылки, основы и пути творчества могут быть раскрыты на базе многообразных достижений современной науки в результате **содружества наук**.

При этом придется отказаться от того недопустимого сепаратизма, которым до сих пор отличаются литературоведение и искусствознание. Внутренняя замкнутость этих областей особенно нетерпима на фоне общего стремления современной науки к взаимодействию и синтезу.

НА СТЫКЕ теории, истории литературы, текстологии, а также эстетики и психологии может образоваться увлекательнейшая дисциплина — **психология творчества**. В качестве научной она еще не существует, само название ее было скомпрометировано идеалистами, вызвало недоверие. Но есть все условия для ее создания на марксистской основе. Психология творчества позволит исследовать мышление художника в динамике, как движущийся процесс. Будет восполнено важное звено понимания природы творчества, обычно исследуемого в качестве итога деятельности, а не процесса. Мы сможем с большей полнотой понять мировоззрение художника, проявление его идей в самом ходе работы, внутренние сложные связи жизненных наблюдений и фантазии, ход ассоциаций, непосредственные и отдаленные импульсы творчества, способность к перевоплощению и т. д. Многие из этих элементов творческого процесса описаны в литературе, но не получили необходимого объяснения. Следует решить и вопросы, которых мы раньше избегали (например, подсознательные элементы в процессе творчества; пугливое отстранение от «проблемы подсознательного» выгодно лишь фрейдистам, извращавшим и раздувавшим ее). К психологии творчества относится и соотношение воли художника и внутренней логики образов, когда поступки героев оказывались, по собственному признанию авторов, как бы неожиданными для них самих..

К этой работе следует привлечь со-

временных мастеров слова. Нужно разработать и методику экспериментов, особенно при изучении восприятия художественных произведений читателем, зрителем. Перспективы психологии творчества весьма заманчивы, а результаты важны не только для науки, но и для литературной практики.

Для углубленного изучения природы и сущности искусства нужно использовать достижения и методы не только общественных наук. Призыв, прозвучавший в выступлении президента Академии наук СССР М. В. Келдыша на Всесоюзном совещании научных работников в Кремле, должен быть услышан и нами. Не о «передаче» наших проблем другим наукам, а об их активном участии в деле, важном для всей культуры, идет речь. Задачами литературоведения, искусствознания остаются исследование социальной сущности творчества, связи мировоззрения, идейности и мастерства, эстетическое воспитание народа — словом, все проблемы, для решения которых и существуют эти науки. Но кричать «нет!» ученым, которые стремятся использовать достижения других дисциплин для раскрытия тайн творчества, по меньшей мере неразумно..

Среди естественных наук наиболее близко соприкасается с вопросами природы искусства физиология высшей нервной деятельности. Еще Горький в письме к Федину заметил, что критиком следовало бы заглянуть в работы И. П. Павлова, и это помогло бы им более толково рассуждать о том, как создается искусство. С тех пор физиология высшей нервной деятельности достигла новых успехов, но дальше общей постановки вопроса о ее роли для изучения мышления (в том числе и художественного) мы не пошли. А ведь Ленин говорил, что психология и физиология органов чувств относятся к тем областям знания, «из коих должна сложиться теория познания и диалектика».

Совершенно очевидно, что наука о физиологии высшей нервной деятельности многими сторонами полезна для изучения творчества. Материалистически объясняя «механизм» мышления вообще, она помогает опровержению теории о «сверхопытной» интуитивистской природе искусства. В свете учения о слове как «сигнале сигналов» получает объяснение способность в процессе художественного творчества и восприятия «оживлять» воображае-

мые образы предметов и явлений с такой яркостью и силой, которые равнозначны их воздействию на человека в самой действительности. Создана (хотя и мало еще нами развита) естественнонаучная основа для раскрытия сложнейших связей между словом и образом, для изучения отношений идей и образных представлений, ассоциаций и т. д.

Развитие этой проблематики затрудняется двумя обстоятельствами. Первое — разобщенность физиологов, литературоведов и искусствоведов. Второе — опасения литературоведов, что «вторжение» физиологии высшей нервной деятельности в искусство означает сведение «социального» к «биологическому». Но при правильном подходе, в комплексе диалектико-материалистического изучения природы искусства, физиология высшей нервной деятельности в конечном счете по-своему поможет пониманию художественного мышления как продукта социальной истории человечества.

Всякому новому делу всегда угрожают догматизм и упрощение. Абсолютно недопустимо малейшее принижение основополагающей роли мировоззрения в искусстве, его социальной обусловленности. Недопустимы механистические ошибки, подобные тем, которые есть, например, в работе В. М. Бехтерева «Личность художника в рефлексологическом изучении». Но безусловно права редакция журнала «Вопросы литературы», призывавшая еще три года назад начать серьезную разработку физиологии высшей нервной деятельности в связи со спецификой художественного мышления.

В СОДРУЖЕСТВЕ наук, причастных к комплексному изучению проблем художественного творчества, должны быть и кибернетика и математика. Впрочем, «должны быть» — сказано не совсем точно: использование кибернетики и математических методов для изучения некоторых вопросов художественного творчества уже началось. Многие в появившихся работах и докладах спорно, внушает сомнения, но есть и смелые, плодотворные идеи. Движению вперед мешает почти полное отсутствие контакта между литературоведами и искусствоведами, с одной стороны, и специалистами по кибернетике и математике, с другой.

(Окончание на 2-й стр.)

«Иммигрантская газета»
Л. Мейлах
Моск. 1962

СОДРУЖЕСТВО НАУК И ТАЙНЫ ТВОРЧЕСТВА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

При самой постановке темы «кибернетика и литературоведение» сталкиваешься с вопросом: «а не есть ли это возрождение формализма?». Но у электронных машин нет собственной методологии, и если использование их приведет к формализму, то причина этого — мировоззрение того, кто работает с машиной, а не в ней самой. В разговорах с противниками применения кибернетики наталкиваешься и на курьезы. Один из литературоведов лукаво спросил: «Может ли машина, например, классифицировать рифмы, помочь в изучении поэтической лексики?». На это последовал ответ: «В принципе, конечно, может, если материал формализовать и составить программу для решения машиной той или иной задачи». Слово «формализовать» вызвало у собеседника административный восторг: «Ага, вот видите!». «Формализация» (кибернетическое понятие, связанное с необходимостью выразить определенную задачу на «понятном машине» языке) мгновенно связалась в его сознании с формализмом как идейно-эстетическим течением. А между тем с формализмом не имеет ничего общего ни эта формализация, ни кодирование (перевод определенных слов и понятий в условные символы, которыми оперирует машина). Все эти операции так же не унизительны для изучения поэтики, как не унижает эстетическое достоинство «Евгения Онегина» метрическая формула онегинской строфы, записанная самим Пушкиным.

Разумеется, нельзя закрывать глаза на то, что сведение исследования поэтики к статистическим таблицам может увести на ложный путь даже независимо от субъективных намерений тех или иных авторов (за рубежом в некоторых работах имеется и намеренный, демонстративный уход в формализм). Для того, чтобы не помешать действительно плодотворным поискам путей, какими кибернетика и математика могут помочь изучать творчество, нужно предупреждать самую возможность фетишизации статистики. Но нужно понимать также, что и математическая статистика может дать литературоведению много ценного в ходе анализа идейно-эстетической сущности искусства.

Необходимо обсуждение возможностей кибернетики в применении к литературоведению, обсуждение положительных результатов и недостатков, перспектив и задач. От прожектерских,

не имеющих никакого основания разговоров о том, сможет ли машина создавать самостоятельные художественные ценности, нужно перейти к деловым дискуссиям, к практическим делам. Как облегчить труд литературоведа и искусствоведа в систематизации и классификации накопленного веками огромного, почти необозримого фактического материала? Как использовать молниеносную быстроту электронных машин, «электронную память» для вспомогательных (например, справочных или библиографических) операций, отнимающих в любой, в том числе в нашей области, сотни и тысячи часов? Какую часть работы, предшествующей не заменимому ничем труду исследователя, можно будет в дальнейшем передать машинам, читающим не только книги, но и сложные, требующие квалификации текстолога, рукописи? Какие выводы следуют для литературоведения из первых успехов математической лингвистики, машинного перевода?

В комплексном изучении творчества кибернетика может помочь не только ценнейшими для ученого вспомогательными операциями, она интересна и некоторыми теоретическими положениями (это относится к любым областям знания, как справедливо отмечено в сборнике «Философские вопросы кибернетики»). Кибернетика дает дополнительные средства материалистическому, естественнонаучному изучению познавательной природы искусства. Философская разработка теории информации, анализ количественных, а в будущем и качественных (смысловых) ее сторон могут дополнить наши представления о познавательном процессе в художественном творчестве и восприятии. Обсуждения требуют еще только наметаемые перспективы моделирования мыслительного процесса с экспериментально-исследовательскими целями (вопрос о таком моделировании был поставлен в интересном докладе академика украинской Академии наук В. Глушкова на конференции по философским проблемам кибернетики в Москве).

И сколько еще возникает тем, которые ждут обмена мнениями, разговора без взаимной предубежденности, совместного изучения специалистами различных областей знаний, работающими над близкими вопросами! Марксистская теория, объединяющая все отрасли наук, поможет избежать при этом односторонности, неправильных решений.

Перспективы комплексного изучения искусства на стыке разных дисциплин нисколько не ослабляют самостоятельности литературоведения и искусствоведения (так же как, например, развитие биофизики не ослабило ни физику, ни биологию). Наука о литературе имеет свой предмет, свою методологию и методику, свои богатые традиции. Но объективные законы научного развития колеблют неизбежность казавшихся вечными границ во имя раскрытия сокровенных тайн искусства — одного из самых могучих средств познания и преобразования мира.